

УДК 80./81

UDC 80./81

**ЯЗЫК ИНТОЛЕРАНТНОСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (ПО
МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙ РОБЕРТА
БРИДЖА)**

**LANGUAGE OF INTOLERANCE IN MODERN
SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM (ON
THE MATERIALS OF ROBERT BRIDGE'S
ARTICLES)**

Аракелян Нина Сергеевна
ст.преподаватель
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Arakelyan Nina Sergeevna
senior lecturer
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Радикальность происходящих перемен поистине изменили публицистический стиль автора и медиа-язык. Творческая свобода медиа-автора и сложившиеся социокультурные условия придали СМИ некий интеллектуальный драматизм, чаще сопровождающийся интолерантностью. Публицистический материал сегодня представляет собой уникальный источник информации о том, что думает одна нация о другой, своего рода «энциклопедию стереотипов», отражающую особенности двух культур

Radicalism of modern changes modified a journalistic style of an author and a media-language indeed. Creative freedom of a media-author and modern social-cultural conditions added to mass media some intellectual dramatic effect which is often accompanied with intolerance. Today, the journalistic material presents the unique source of information about what one nation thinks about the other one, like "encyclopedia of stereotypes" reflecting the peculiarities of two cultures

Ключевые слова: ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ, ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ, МЕДИА-АВТОР, МЕДИАДИСКУРС, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДРАМАТИЗМ, СТЕРЕОТИПЫ

Keywords: JOURNALISTIC STYLE, INTOLERANCE, MEDIA-AUTHOR, MEDIA-DISOURSE, INTELLECTUAL DRAMATIC EFFECT, STEREOTYPES

Эпохальный излом XX и XXI веков в России сопряжен с процессом сложнейших социальных преобразований, затронувших все сферы российского общества, что не могло не сказаться и на характере языка масс-медийной коммуникации. Радикальность происходящих перемен стали поистине «благодатной почвой для стремительных всходов» новых идей. Бытующее в американском обществе мнение о России сегодня корнями уходит в прошлое, особенно, когда Россия стала интересна для Америки в эру демократизации и независимости в состоянии серьезного беспорядка и экономического кризиса. Важную роль в понимании того, как Россия воспринимается на Западе, играют работы не только политологов и социологов, но и журналистов, авторов медийных текстов, переставших быть безмолвными наблюдателями. Они превратились в бесстрашных ретрансляторов своих точек зрения, личностями, не только способными на самостоятельную мысль и самостоятельный поступок, но и стремящимися артикулировано, в полный голос, заявлять о своей

позиции, своем мировоззренческом «я» посредством категоричной, безапелляционной оценки, экспрессивного и эмоционально-выразительного слова. Обретение абсолютной свободы изменили медиа-язык. Средства массовой информации, медиадискурс – наиболее «благодарный» материал для риторического осмысления. Во-первых, потому, что это прозаический тип речи и прозаические тексты. Во-вторых, потому, что СМИ – это наиболее влиятельная сфера бытования современной культуры. Используя имеющийся арсенал культуры (в первую очередь национальной, ее традиции и архетипы) и интерпретируя их, средства массовой информации формируют собственный мир, отличный от мира реального. Современные исследователи называют его *виртуальным*. Для СМИ же в целом более точно другое определение – *картина мира*, то есть некий фрагмент, моментальный срез имеющегося уже образа мира, который всегда динамичен, и говоря о деятельности средств массовой информации, мы все-таки склоняемся к тому, что они формируют собственную языковую картину мира, которую можно назвать языковой *медиакартиной*. Язык, речевые события в СМИ становятся одним из инструментов формирования подобной языковой картины мира – собственно подобной *медиакартины*. Картина мира, как известно, это не просто изображение мира, не нечто срисованное. Понимание мира как картины, превращение мира в языковую картину – это отличительная черта нового времени. Но если изначально формирование картины мира было связано с интенцией человека представить мир во всем, что ему присуще и что его составляет, как *систему*, то есть как *упорядоченную структуру* (отсюда – научная картина мира), то сегодня предмет нашего исследования – *медиакартина мира*, в которой автор старается раскрыть свое видение окружающего нас мира.

Творческая свобода медиа-автора и сложившиеся социокультурные условия придали СМИ некий интеллектуальный драматизм, все чаще

сопровождающийся интолерантностью. Язык интолерантности как коммуникативно-речевой механизм снижения социокультурного статуса другого становится сегодня если не нормой, то весьма устойчивой тенденцией. Публицистический материал сегодня представляет собой уникальный источник информации о том, что думает одна нация о другой, своего рода «энциклопедию стереотипов», отражающую особенности двух культур. Воздействие на реципиента в современном медиадискурсе происходит с помощью формирования у него необходимой оценки. Медиадискурс часто определяет ценностные ориентиры общества. В оценке выражены позиции автора, его система ценностей, представления о происходящем. Оценка является важным, а иногда и основным средством аргументации и может меняться вплоть до противоположной в зависимости от целей коммуникации или под влиянием социальных факторов. Т.Г. Добросклонская считает, что для медиатекста понятие оценки является основополагающим, стержневым [Добросклонская, 2008, с.115]. Оценка формируется под влиянием как экстралингвистических, так и лингвистических факторов. Оценочность реализуется в целом ряде лингвистических приемов, направленных на выражение оценки и мнения. Лингвистические способы выражения мнения и оценки в высшей степени разнообразны, варьируясь от прямых, эксплицитных, до скрытых, имплицитных. Языковые способы формирования оценки в СМИ включают в себя стилистические, синтаксические и грамматические средства. Распространенным способом формирования ценностных смыслов, необходимых коммуникатору в современном медиадискурсе, являются создание и распространение образов, мифов и стереотипов.

Американский журналист Роберт Бридж в статье «*Fear and loathing in the western press*» («*Страх и отвращение в западной прессе*», *Moscow News*, 2004) пытается проанализировать интолерантность в высказываниях Эндрю Осборна, американского журналиста из газеты *the Independent*, о

российской действительности: “The *black press* against Russia has infiltrated every media channel in the western world, and has been actually intensifying since the end of *the Cold War*. Yes, *there are negative things about Russia, just as there are* in the US, UK and Sierra Leone. But nearly *every article about Russia* is *dark and depressing*. Автор данной статьи не согласен и предлагает “a very real form of censorship and media control” (справедливую цензуру и контроль за СМИ). Бридж говорит о том, что «очерняющая Россию» пресса *профильтровывалась* каждым телеканалом в западном мире, и еще более интенсивно это происходило в конце Холодной войны. Да, в России есть негативные явления, так же как и в Америке, Великобритании и Сьера-Леоне. Но почти каждая статья о России – мрачная и безнадежная. Он пишет: “It is another *tired, depressing look at the Motherland* that has been *regurgitated and chewed over so many times* in the West that the image has *stuck like Velcro: Russia is dangerous, ugly and evil*. (Это еще один уставший, депрессивный взгляд на матушку-Родину, он уже замусоленный и прожеванный так много раз на Западе, что имидж того, что Россия опасная, уродливая и страшная, прилип к ней как «липучка»). “Mr. Osborne *did venture* far, it seems, from the neighborhood potato kiosk while visiting Moscow”. “As if it is the only place to dine in the Russian capital”. Бридж иронично замечает, что Мистер Осборн не отважился пройти дальше овощного ларька по соседству, будучи в Москве, чтобы понять, что это не единственное место в российской столице, где можно покушать, что в России есть, на что посмотреть и чем гордиться! “Andrew Osborne’s Russian-trashing article was about ‘dogged by strays and drunken servicemen in Russia. While *nibbling wearily on his spuds* two things made him *tremble and shake*: wild dogs and drunken servicemen. Dogs: “Frequently mangle, often rabid, they congregate around the popular jacket potato stands dotted around the city, trying *to snatch hot spuds* from *nervous diners*”. Эндрю Осборн в своей обвинительной статье повествует о

московской действительности, об улицах со стаями бездомных собак и пьяными служителями порядка. (*Устало жуя свой картофель, только две вещи заставили Озборна дрожать и трястись: дикие собаки, часто чесоточные, почти всегда бешеные, они скапливаются вокруг ларьков с жареным картофелем, разбросанных по всему городу, пытаясь выхватить горячий картофель у нервных посетителей, и пьяные служители порядка*). В статье повествуется о покусанной собаками девочке на одной из московских улиц, на что Бридж возражает, что такое может произойти даже (*even in dog-less London*) в самом Лондоне, где нет вообще бездомных собак. “The first thing on every Russian mind after being bit by a rabid dog in *the ass* is having *to forego* that next 100 grams of *Stoli’s!*” (*Первое, что сделает любой русский, будучи укушенным бешеной собакой в заднее место – это выпьет сто грамм водки «Столичной»*). Озборн делает критические выпады в адрес российской милиции: “*Clutching cheap cans* of the Russian equivalent of *Special Brew* (in other words, Russia can’t produce a good local beer) they *stagger* about the place singing patriotic songs.... *Leering* at anyone who makes eye contact” (*сжимая в руках дешевые банки российского эквивалента пива «особого приготовления» (другими словами, Россия не умеет производить хорошее пиво), они раскачиваясь напевают патриотические песни....., сверля глазами любого, кто на них смотрит*). Бридж предлагает Озборну обратиться за опровержением в посольство любой западной страны, где ему скажут, что “...not a single foreigner in Moscow has ever been accosted, provoked or manhandled by a member of the Russian military” (*Ни один сотрудник российской милиции никогда не приставал, не рукоприкладствовал и не провоцировал ни одного иностранца в Москве*).

Первые впечатления самого Бриджа о России были разными: от положительного шока до отрицательного; от первого выезда из Шереметьево до наших знаменитых очередей. Он пишет: “My first

impression of Russia was one of the *unbridled spontaneity* and a *soft anarchy of sorts* (*Мое первое впечатление о России - необузданная спонтанность и тихая анархия в обществе*). Автор ярко и красочно описывает стремительную и непредсказуемую Россию: “On the surface, *it may seem cluttered, disorganized, haphazard, perhaps a little dangerous*. In the midst of this *chaos, it seems the Russians truly enjoy the lively debate, the human friction, the feeling of being on the edge of god knows that*. Yes, the *weed whacker* of Western rationalization is slowly making against Russian impulsiveness; I just hope it does not supplant what makes Russia so unique”. (*Посреди этого хаоса кажется, что русские получают удовольствие от ярких дискуссий, от разногласий, от ощущения хождения по лезвию бритвы. Да, шикарно одетый западный рационализм медленно вытесняет русскую импульсивность, но я все же надеюсь, что это не вытеснит то, что делает Россию уникальной*).

Исследование языка интолерантности, конечно же, начинается с лексики, так как именно она является предпосылкой в идентификации данного языка, поэтому особую роль в формировании языка интолерантности в медиа-дискурсе играют различные языковые формы, отражающие неприятие и отрицание другого: метафоры, фразеологизмы, эпитеты, сравнения, перифразы, ирония и т.д. Озборн использует множество слов с негативным оттенком для усиления эстетики интолерантности: *fear, loathing, black, negative, dark, depressing, tired, dangerous, ugly, evil, provoked, mange, rabid, regurgitated, chewed over, trashing, dogged, drunken, , leering, stagger, cheap, nervous, forged and pirated* (страх, отвращение, негативный, темный, депрессивный, уставший, опасный, уродливый, злой, провоцирующий, чесоточный, бешеный, замусоленный, многократно пережеванный, обвинительный, заполоненный собаками, выпивший, подавленная ярость, злобный, шатающийся, дешевый, нервный, фальшивый и пиратский).

Использование подобных лексем помогло автору создать негативную атмосферу высказывания.

Солганик Г.Я. отмечает, если прежде язык СМИ был «вещью в себе», то сейчас остро актуальными становятся такие аспекты, как язык СМИ и культура, как язык СМИ и политика, как язык СМИ и идеология. Рассматривая аспекты «язык СМИ и политика» и «язык СМИ и идеология», Бридж с сарказмом говорит: “If Russia *were to suddenly fall off the map*, many western correspondents *would be forced to take up wife beating and dog kicking* to release their *depressed anger*. Not anger due to the disappearance of Russia, but rather the loss of a *convenient and remote subject* to assault each day”. (Если бы Россия внезапно исчезла бы с карты мира, многие западные корреспонденты принялись бы бить жен и пинать своих собак, чтобы избавиться от затаенной злобы, но не из-за злости на исчезновение России, а вероятнее, из-за потери удобной и не касающейся их лично темы ежедневной критики). Но, о Боже, Озборн пишет что-то «положительное» о России: ”Everything is available, from *strawberries* and *forged college documents* to a *pirated DVD* of the latest Hollywood blockbusters for 3\$ a *pop*” (*все доступно, от клубники и фальшивых аттестатов до пиратского DVD самого последнего голливудского блокбастера по 3 доллара за штуку*).

Публичное слово, получив безусловные «гарантии свободы» [Прохоров 2004], стало не только эффективным средством «форматирования» массового сознания, но и полноценным его выразителем. Из только декларируемой ценности культуры свобода превратилась в реальный фактор творческой деятельности, более нескованной никакими правилами, идеологическими догмами. Современный «субъект-создатель медиа-текста, - пишет С.И. Сметанина, - предстает перед читателем как личность, самостоятельно осмысляющая и оценивающая реальную ситуацию, демонстрирующая свою

мировоззренческую позицию и индивидуальность языковой раскрепощенностью, стремлением отойти от клише газетно-публицистического стиля». Как показывает анализ современного медиа-дискурса, процесс ценностной трансформации стал реальностью нашей жизни и сопряжен он с манифестацией важнейшей классифицирующей культурологической оппозиции «свой - чужой», что, с одной стороны, вполне закономерно, поскольку именно с опознания социального имени человека, начинается его «локализация» в социуме и в языке. [Полонский 2003], с другой стороны, однако, важно обратить внимание и на то, что «чужое» все чаще стало восприниматься как неприемлемое, ложное, недостойное уважения, а следовательно, порицаемое и отрицаемое, и способы отрицания другого получили свое развитие прежде всего в СМИ. Творческая свобода «медиа-автора» и сложившиеся социокультурные условия ее реализации придали деятельности современных СМИ не только интеллектуальный драматизм, о чем настойчиво и справедливо говорят в настоящее время многие исследователи медийных процессов, но и оценочный максимализм, все чаще сопровождающийся интолерантностью [Кокорина 1996; Солдатова, Шайгерова 2001]. Язык интолерантности как коммуникативно-речевой механизм снижения социокультурного статуса другого становится сегодня если и не нормой, то весьма устойчивой тенденцией.

Роберт Бридж в статье *«Indiana Jones and the Hunt for a Russian visa»* (Индиана Джонс и охота на российскую визу), MN#39,5-11 октября, 2007, стр.5, называет процесс получения визы для въезда в Россию *«Indiana Jones in the Raiders of the Lost Passport, Indiana Jones in the Embassy of Doom.....*(Индиана Джонс в поисках Утерянного Паспорта», «Индиана Джонс в посольстве Судного дня, перев.авт.). Для более выразительного и эмоционально окрашенного описания всех тягот (преград), встречающихся на пути оформления виз для въезда в Россию,

автор использует асиндетон *surviving / living / just-getting-by..... quarterly / biannual / annual .... Money / paperwork / passports* (выживание / проживание / просто сведение концов с концами.... ежеквартальная \ два раза в год/ежегодная.... деньги /документы /паспорта. Бесконечное простаивание в многочасовых очередях автор описывает, используя гиперболы, с элементами полисиндетона, чтобы подчеркнуть абсурдность ситуации и противоречие здравому смыслу, происходящих с ним: *stand in line for hours, distant port of call, jaunt, adrenaline rush, jumping out of the planes preferably ones that are flying, scaling the side of mountains (preferable towering ones), hunting horned and heavily hooped animals on African safari (preferable with lots of cigars, gin and female companionship), sense of suspense, wild Russian visa, cruel bureaucrats, poor accommodation (1.5 star hotel), to have endure to bag, to sit in the sitting-centre, to be a bit jittery, delinquents desperately waiting for, nasty withdrawal symptoms, evening dosage of Super Carnage, massacre game, adverse affect on your mental and physical health, to give heebie jeebies, sinister dens of paper paperclips , miserable, contest, Consular Special Olympics, black hills of Transylvania, to hassle the worst, evil laughter, lighting, bloodcurdling screams, to shutter, to be so damn upset, unsuspecting, helpless* (простаивать часами в очередях, отдаленный порт захода, увеселительная поездка, выброс адреналина, спрыгивая с самолетов (предпочтительно во время их полета), карабкаясь в горы (предпочтительно на самые высокие) или охотясь на рогатых и «крупнокопытных» животных на африканском сафари (предпочтительно с большим количеством сигар, джина и женщин), чувство ожидания тревоги, дикая российская виза, жестокий бюрократизм, плохие условия проживания, приходится вытерпеть, чтобы получить, сидеть в ожидании, немного нервничать, малолетние преступники, безнадежно ожидающие..., симптомы сильного нервного напряжения, вечерняя «доза» от просмотра фильма Супер Битва 2,

кровавая бойня, враждебно влиять на умственное и физическое здоровье, вызывать приступ раздражения, зловещее логово бумажных "Скрепок" (кодовое название американских разведчиков (1944-45) по розыску и вывозу в США немецких ученых-ракетчиков), *жалкий, жесткая борьба, посольские олимпийские игры, черные холмы Трансильвании, обращаться хуже всего, смех дьявола, молния, ужасающе пронзительные крики, нервно дергаться, быть чертовски расстроенным, беспомощный*) (перев. авт.). Про русскую зиму автор говорит с большой буквы (*the Winter*), как-будто этим он хочет подчеркнуть суровость России и российских законов. Бридж использует выражения с отрицательными значениями, эвфемизмы с мистическими оттенками для более яркого выражения своих ощущений, эмоции и действий: *Embassy of Doom, evil laughter, Transylvania, tit-for-tat, to be damn upset, sinister dens* (Посольство Судного дня, смех Дьявола, Трансильвания, быть чертовски расстроенным, зловещее логово, око за око -зуб за зуб - искажённое выражение *tip for tap*- случай аллитерации). А прохождение медосмотра и получение медицинской страховки автор описывает с определенной долей иронии, говоря, что посольства ежегодно обновляют список анализов, нужных для прохождения медосмотра: "*we helpless workers must pay for – sometimes with our very blood like scrotum injection and leprosy test*" (мы, беспомощные рабочие, должны платить, иногда даже нашей собственной кровью, например, уколом в мошонку и тестом на проказу). Эмоциональное состояние автора находит свое косвенное выражение в различных метафорических и оценочных описаниях предметов и явлений действительности. Он выражает свои эмоции через лексические и фразеологические единицы, фиксирующие состояние эмоциональной сферы человека в виде оценочного отношения к фактам действительности, т.е. косвенного описания эмоциональных реакций и состояний человека. Единицы, обозначающие эмоции, выступают в текстах, темы которых связаны с описанием (изображением)

внутреннего мира человека; иногда единицы, обозначающие эмоции, формулируют и идею текста: «I am certain there is a *contest, a Consular Special Olympics of sorts, which is held annually in the black hills of Transylvania between embassies. The Motto: What country can hassle its visitors the worst (evil laughter, lightning, bloodcurdling screams* (Я уверен, что это- соревнование, своего рода специальные консульские “олимпийские игры”, которые ежегодно проводятся на черных холмах Трансильвании между посольствами. Девиз: Какая еще страна может так плохо обходиться с туристами? (за кадром- смех дьявола, молния, ужасающие крики).

Актуальность исследования подобных феноменов определяется не только недостаточной изученностью способов выражения интолерантности в современных медиатекстах и, в частности, отсутствием специальных обобщающих работ по лингвистическому исследованию культуры неприятия другого в текстах СМИ, но и той ролью, которую взяли на себя современные масс-медиа, заняв не просто центральное положение в культуре, а обозначив в ней свое абсолютное господство, став реальным механизмом деконструкции национальных традиций и конструирования новых способов социальной адаптации, репрезентированных в лексике и грамматике интолерантности. Проблема интолерантности в медийном дискурсе все чаще попадает в поле зрения ученых (философов, лингвистов, культурологов, социологов, этнологов). В частности, предметом исследования становятся «интолерантные тексты», содержащие потенциал нетерпимости на основе этнических и национальных особенностей, однако актуальность исследования усиливается также за счет отсутствия системного осмысления «лингвистических маркеров интолерантности», осмысления языка интолерантности, его социокультурного статуса.

Наступило время экстенсивного изучения языка СМИ,

непосредственно создающегося определенным автором, языковой личностью, использующей свою собственную языковую картину мира. Подобные исследования способствуют более глубокому пониманию специфики и природы языка автора-инофона. В текстах СМИ отражены ценности как автора, так и адресата, а значит общества в целом. Сегодня медиадискурс выступает как самосознание культуры, а язык интолерантности – это своеобразный посредник между самим языком и установками культуры неприятия другого, который целесообразно исследовать в противопоставлении с позитивными смыслами в медиадискурсе, и изучать как самостоятельный феномен.

Список использованной литературы:

1. Гречихин М.В. Современный медиадискурс: язык интолерантности. Москва, 2008. С. 10-15.
2. Мансурова В.Д. Медиа-дискурс: теория и практика массовых коммуникаций. Екатеринбург, 2007. С.4-5.
3. Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ). Москва, 2005. С.13-30.

References

- 1.Grechihin M.V. Sovremennyj mediadiskurs: jazyk intolerantnosti. Moskva, 2008. S. 10-15.
- 2.Mansurova V.D. Media-diskurs: teorija i praktika massovyh kommunikacij. Ekaterinburg, 2007. S.4-5.
- 3.Solganik G.Ja. O strukture i vazhnejshih parametroh publicisticheskoj rechi (jazyka SMI). Moskva, 2005. S.13-30.